

Научная статья
УДК 343.951:159.99

Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве

Андрей Викторович Поминов, кандидат педагогических наук

Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий
Сибай (Республика Башкортостан, 453839, ул. Белова, д. 21), Российская Федерация
pominoffan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3076-0962>

Аннотация:

Введение. Проблема определения вины в уголовном праве имеет свою историю исследования. Понимание вины простирается от общественного порицания до личностной феноменологии. Вина, включающая в себя психическое отношение лица к поступку, стала предметом настоящего психолого-лингвистического исследования.

Методы. Рамочным инструментом познания предмета исследования выступил диалектический метод. С целью понимания семантики корневых и производных понятий использовался объяснительный внеязыковой метод. Междисциплинарная природа проблемы предопределила интегративный характер исследования.

Результаты. В работе мы рассмотрели психическое отношение в парадигме культурно-исторического подхода, когда отношение представляет собой не оценку действия, а смысл действия. Вина как психическое отношение раскрывается через отношение субъекта действия к объекту действия, событию и к себе как к субъекту события, что наполняет объективным и субъективным составом преступления. Определено, что вина как психическое отношение содержит в своем составе цель, преобразующие действия, самоконтроль и самооценку. Это позволяет рассмотреть вину через призму проявления субъектности виновного лица, раскрывающего свое психическое отношение в системе поведенческих реакций. Представлено видение понятия «признание вины» и сформулирована роль совести в этом нравственном акте. Сформулированы новые направления исследования психологии вины в уголовном праве.

Ключевые слова:

вина, виновность, умысел, умышленное действие, субъектность

Для цитирования:

Поминов А. В. Психологические аспекты содержания вины в уголовном праве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (109). С. 307–318.

Статья поступила в редакцию 28.05.2025;
одобрена после рецензирования 16.12.2025;
принята к публикации 20.03.2026.

Original article

Psychological aspects of guilt in criminal law

Andrej V. Pominov, Cand. Sci. (Ped.)

Sibay Institute (branch) Ufa University of Science and Technology
21, Belova str., Sibay, 453839, Republic of Bashkortostan, Russian Federation
pominoffan@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3076-0962>

Abstract:

Introduction. The problem of determining guilt in criminal law has a long history of research. The understanding of guilt ranges from social condemnation to personal phenomenology. Guilt, which includes a person's mental attitude towards an act, has become the subject of this psychological and linguistic study.

Methods. The dialectical method was used as a framework for understanding the subject of this study. An explanatory extralinguistic method was used to understand the semantics of root and derivative concepts. The interdisciplinary nature of the problem predetermined the integrative nature of the study.

Results. In this paper, we have examined mental attitudes within the paradigm of the cultural-historical approach, where an attitude represents not an action evaluation, but an action meaning. Guilt as a psychological attitude is revealed through the attitude of the subject of the action towards the object of the action, the event, and towards themselves as the subject of the event, which fills the objective and subjective

Keywords:

guilt, culpability, intent, deliberate action, subjectness

For citation:

Pominov A. V. Psychological aspects of guilt in criminal law // Vestnik of Saint Petersburg University of the MIA of Russia. 2026. № 1 (109). P. 307–318.

components of the crime. It has been determined that guilt as a psychological attitude includes a goal, transformative actions, self-control, and self-assessment. This makes it possible to consider guilt through the prism of the guilty person's subjectness, revealing their psychological attitude in a system of behavioural reactions. The concept of "admitting guilt" is presented and the role of conscience in this moral act is formulated. New directions for research into the psychology of guilt in criminal law are formulated.

The article was submitted May 28, 2025;
approved after reviewing December 16, 2025;
accepted for publication March 20, 2026.

Введение

Определение вины как психического отношения лица к совершенному деянию часто фигурирует в правовых исследованиях. Психическое отношение рассматривается как оценочное суждение виновного лица к совершенному действию криминального характера. Вина сводится к чувству как к феномену эмоционального состояния, например, в ходе деятельного раскаяния и признания (Е. В. Мищенко, С. В. Корнакова, В. В. Мишин, В. В. Хилюта и др.). Генезис субъективного содержания вины в его исторической ретроспективе раскрыт А. К. Степановым [1]. Недостаточность вины для определения виновности исследовалась В. В. Хилютой, который, рассматривая вину как личностное феноменологическое явление, пришел к выводу о расширении рамок исследования вины, определения ее самостоятельной, но недостаточной частью преступления: «Вина является личностным феноменом, и она может идентифицироваться через внутренние связи, когда значение имеет психическое отношение лица к содеянному, и через внешние связи, когда природа вины устанавливается на основании того, как к деянию и его последствиям относятся другие» [2].

Само понятие «вина» отсутствует в современном Уголовном кодексе Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), в нем раскрыто понятие «форма вины». Форма не может рассматриваться в отрыве от содержания. Содержание есть единство элементов, свойств и структур (связей), а форма есть организация этого содержания, предъявление содержания. Поэтому форма вины есть итоговая фаза переживания содержания вины. Полагаем, что акт переживания есть процесс, развернутый во времени, и форма вины проявляется в итоге этого акта. Если форма вины образуется из содержания вины, то форма вины не может существовать вне того содержания вины, которое ею предъявляется.

В современных правовых исследованиях дискуссия о роли психологии в определении понятия вины осуществляется в четырех направлениях: психологическом, уголовно-правовом, предметном и социальном. Каждое из этих направлений формирует свою грань явления вины в теории уголовного судопроизводства. Большинство учебников определяют вину через такие понятия, как «психическое отношение», «общественно опасное деяние», «формы вины», «антисоциальность действия», «порицание/осуждение». Несмотря на многообразие определений, ключевым звеном понятия вины остается психическое отношение. Понятие «психическое отношение» обладает большой емкостью и поэтому понять, что следует учитывать из психического отношения в уголовном судопроизводстве, остается проблемой. А. Н. Игнатов в своих исследованиях пишет: «В дальнейшем (после 1912 года) вина всегда рассматривалась в уголовно-правовой доктрине как психологическое отношение лица к своим действиям и их последствиям» [3, с. 124] и далее ставит вопрос: почему при определении вины через неопределенные понятия умысел и неосторожность, деяния и его последствия признаются виной, и порицается судом [3].

Таким образом, целью настоящего исследования является описание психологической стороны содержания вины в процессах психического отношения лица к совершенному общественно опасному деянию.

Методы

В основу исследования положен диалектический метод познания. В ходе анализа предмета исследования использованы структурно-лингвистические методы: работа с корпусом Национального русского языка, словообразовательный анализ. Понимание семантики постигается посредством объяснительного внеязыкового описания. Для достижения искомой семантики мы частично обратились к когнитивным структурам и механизмам преобразования смыслов, а также к социальным, психическим, культурным факторам смыслообразования слов. Задачи, носящие комплексный характер, решались в парадигме междисциплинарного подхода.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации (далее – СЗ РФ). 1996. № 25. Ст. 2954.

Результаты

Роль субъектности в психическом отношении

В юриспруденции психическое отношение рассматривается как оценочное суждение виновного лица к совершенному действию криминального характера. Многие исследователи подводят вину к субъективному нравственному переживанию: хорошее – плохое, допустимое – недопустимое, истинное – ложное (Е. В. Мищенко, С. В. Корнакова, В.В. Мишин, В. В. Хилюта и др.). Рассматривая психическое отношение, обратимся к исследованиям А. В. Петровского. Он рассматривает психологию отношений через субъектность личности, реализующей себя в среде активности [4]. Субъектность «рассматривается как способность индивида к изменению самого себя и окружающего мира. Главными характеристиками такого подхода являются активность, развитие, интеграция, самодетерминизм, способность к саморегуляции и т. д.» [5, с. 210]. Субъектность личности представляет собой такую способность, которая позволяет совершать преобразующие целевые действия, включая самоконтроль и самооценку. Психическое отношение вне субъектности невозможно. Поэтому важно введение понятия «субъектность» для определения психического отношения субъекта деяния.

Рассмотрим проявление субъектности в содержании статей Уголовного кодекса Российской Федерации. В статье 14 УК РФ законодатель, определяя понятие преступления, описывает его двумя признаками: общественно опасное деяние и виновно совершенное деяние². Исходя из смыслов психологии отношений и понятия преступления, можно утверждать:

1) та взаимосвязь, которая объективно складывается между объектом и субъектом – не что иное, как объективная сторона преступления, и ее мы можем предположить исключительно в паре субъекта и объекта, что отражено в понимании виновности самого деяния. Следовательно, деяние является виновным, если оно определено как общественно опасное и обусловлено субъектной активностью. Субъектная активность определена мотивом, целью и преобразующим действием;

2) связь субъекта и объекта включает в себя психические процессы и состояния, выраженные в проживании и переживании (понимание, оценка, реакция) криминального поступка и его отражение в сознании, где итогом становится осознание деяния. Осознанное деяние и есть субъективная сторона преступления.

Подтверждение наших выводов находим в ряде исследований. С. В. Векленко констатирует, что сущность вины детерминирована ее внешними проявлениями [6]. Об этом же пишет в своем исследовании В. В. Хилюта: «Сущность вины составляет единство отражательных и отношенческих аспектов психики конкретного человека» [2, с. 94], а также О. Г. Донская: «Уголовный закон <...> установил субъективные границы психического отношения к деянию, которое позволяет определить преступное деяние от непроступного» [7, с. 125].

В Уголовном кодексе Российской Федерации общественно опасное деяние несет виновный характер само по себе, в отрыве от субъекта. Связность субъекта и объекта преступного деяния возникает тогда, когда носителем общественно опасного деяния выступает субъектность. Это явление и есть виновно совершенное деяние.

Объективная сторона преступления, если рассматривать ее через категорию вины – это выяснение соотношения совершенного деяния к виновному деянию, определенному законом.

Субъективная сторона преступления раскрывается опосредованно, т. е. исследуются не сами отношения субъекта, а последствия этих отношений – «через изучение ее внешних проявлений» (выше выделено у С. В. Векленко). В этих отношениях и в последствиях этих отношения проявлена субъектность.

Для исследования важно понимание того, в каком возрасте личность способна к осознанию своих действий и действий в ее отношении, т. е. к проявлению своей субъектности. Под субъектностью в процессе созревания личности мы понимаем «усиление с возрастом осознанности, произвольности, избирательности и ответственности человека в контактах с миром» [8, с. 528].

Таким образом, мы приходим к утверждению, что вина определяется, если совершенные действия детерминируются объективной стороной виновного деяния. Психическое отношение – это проявление субъектности в виновном деянии, явленное в следах и последствиях активности. Содержание психического отношения к деянию носит характер опосредованный и исследуется по продуктам (следам) совершенного субъектом общественно опасного деяния. Мы приходим к выводу, что отношение к содеянному носит деятельностный характер, и осуждение или неосуждение лицом своего действия не имеет отношения к определению вины

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

и его виновности. Вина шире категории нравственности. Вина – это деятельностный компонент активности.

Психолого-семантический анализ понятий вина и виновность

Дискуссия вокруг понятий вина и виновность (С. В. Векленко, А. Н. Игнатов, А. Н. Парог, Н. С. Таганцев, В. В. Хилюта и др.) широко представлена в научных работах.

Проанализируем слово «виновность». Оно состоит из корня «вин» и суффиксов: «овн» и «ость». «Суффикс; = -овн-(ый) – словообразовательная единица, образующая имена прилагательные со значением признака или свойства: верховный, виновный, греховный, дневной, духовный, душевный, плачевный, сановный, чиновный и т. п.»³.

Суффикс «ость» обозначает отвлеченное качество, т. е. качество абстрактное, не имеющее материального объекта. Например, надежность, справедливость, верность, смелость, радость, ясность, надежность. Этот суффикс используется и для обозначения лица, наделенного этим качеством: «посредственность, бездарность...»⁴.

Корневое существительное «вина» имеет абстрактный характер (отсюда и отвлеченное качество виновности), следовательно, вопрос о типе деривации решить сложнее [9]. Мы продолжим исследования в области происхождения слова вина, для чего потребуется понять не только начальное значение слова, но и движение к отражению морального аспекта. Для чего необходимо обратиться к работам А. А. Потебни, В. Н. Топорова, О. Н. Трубачева, Ф. Ф. Fortunatova, А. А. Шахматова и др. Считаем, что определение типа деривации важно для построения семантической парадигмы вины как корня словообразования. Кроме этого, при исследовании значения слова «виновность» видится необходимым обратиться к концепции В. В. Виноградова о предикативном способе мотивации в словообразовании⁵.

Таким образом, мы приходим к предположению: виновность, детерминированная значением корневого слова – виновный, возникает только после определения виновного, того, кто совершил виновное деяние. Но виновное деяние может определяться в культуре и само по себе, без виновного лица, тогда его существование носит идеальный характер, зафиксированный, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации. Реальность виновности такова, что детерминационно возникает виновный актер, который реализует виновное деяние. Виновное деяние, как сема, задает объективную сторону преступления, т. е. в вине мы видим не субъекта правонарушения, а само правонарушение, которое в обществе обозначено как виновное деяние. Семемой же становится виновность как виновное деяние и виновное лицо. Это полагание имеет отражение и в юридических исследованиях [10].

Обратим внимание на использование слова «виновность» в литературе как на указание психологического состояния. Ф. М. Достоевский («Преступление и наказание»): «...чувство виновности вдруг сменилось чувством возмущенного негодования». Л. Н. Толстой («Анна Каренина»): «И в глазах её выразилось сознание своей виновности и желание оправдаться перед собой и перед ним». В. О. Пелевин («Generation „П“»): «Это было чувство какой-то невыразимой виновности перед миром». В дальнейшем эти исследования позволят нам увидеть то, как вина, преобразуясь лексически, меняет свою семантику и своё психологическое значение, а это определит понимание ее роли в моделировании виновного поведения виновного лица.

С 2008 года С. В. Векленко выпускает серию методологических статей, посвященных диалектическому пониманию вины. Анализ основных постулатов, изложенных в этих статьях, позволяет утверждать, что психология вины концентрируется вокруг понятий «осознанность» и «воля», где они образуют форму вины, а семантика образованного действия – содержание вины. В этих исследованиях во главу угла поставлен поиск неизменного признака, способного стать основой не только для видовой дифференциации вины, но и для доктринального понимания вины в уголовном судопроизводстве. Таким признаком, единым для всех форм проявления вины, определяется сознание: «Базовым содержательным признаком <...> виновного отношения <...> становится сознание» [6, с. 47]. Основой видового многообразия форм вины автор определяет волю как содержание этой вины и приходит к выводу, что в совокупности сознание и воля образуют интеллектуальное содержание виновного отношения к деянию [6].

Мы считаем, что диалектически включение термина «сознание» в определение понятия вины как неизменного признака, – шаг абсолютно верный, но, опираясь на понятие «сознание»,

³ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : Свыше 136 000 словарных статей, около 250 000 семантических единиц : [в 2 т.]. Москва : Русский язык, 2000. Т. 1: А–О. 1210 с.

⁴ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учебное пособие / отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. Москва : Высшая школа, 1986. 640 с.

⁵ Там же.

описать отношение субъекта к объекту и деянию весьма проблематично. Понятие «сознание» в данном случае несет онтологическую функцию, т. к. вне сознания нет не только криминального действия, нет вообще никакой произвольной психической активности, которая может привести к виновному действию. Например, при определении доминирующей формы вины, С. В. Векленко говорит о необходимости учета некоторых элементов: «сознательно-волевая или умышленная вина, содержание которой образуют сознательные и волевые элементы» [6, с. 47]. Задача определения неизменного признака при разных формах вины может быть решена, если в основу будет положено понятие, производное от сознания, например, осознание как процесс или осознанность, сознательное как признак, или мотивация и т. п. Мы же предлагаем неизменным признаком определить понятие субъектности, которое описывает более широкие психические свойства, включая и вышеуказанные, а также вписывается в онтологию сознания. Тогда понятие «интеллектуальное содержание виновного отношения» за счет семантики понятия «субъектность» становится более связанным с сознанием, а его место в структуре вины – отчетливо выраженным. Ответ на вопрос: «Будет ли достаточным понятие „интеллектуальное содержание” для полноценной характеристики „виновного отношения”?» требует дальнейшего исследования.

Таким образом, мы определили, что неизменным признаком вины становится субъектность, проявленная в виновном деянии. Виновность, входящая в состав вины, указывает на завершенность вины во внутреннем мире личности. Виновность возникает в итоге интеграции в правосознании виновного деяния и виновного лица. Нам еще предстоит построить всю схему связанности производных от вины понятий, законченность и завершенность психолого-семантического рисунка вины и проявление в ней субъектности.

Определение субъектности как психологической стороны вины

Интересными видятся работы, в которых вина исследуется через виновное поведение: «Виновным признается лишь сознательно-волевое поведение» [6, с. 45]. Это дает понимание того, что не только виновное лицо, но и виновное поведение являются составными частями семантики понятия вины. В особенностях поведенческих реакций проявляется субъектность виновного лица. Набор поведенческих реакций личности всегда обусловлен внутренними взаимосвязями: когнитивными способностями, психофизиологическим и волевыми процессами (эндопсихикой) и проявлением психического в реальных действиях (поступках, отношениях), детерминированных внешней средой (экзопсихикой). Введенные А. Ф. Лазурским в научный аппарат психологии понятия «эндо-» и «экзопсихика» позволяют нам увидеть в виновном поведении сочетание внутренних процессов виновного лица и проявление процессов психического в виновном поведении.

Такое видение предполагает предопределенность набора личностных поведенческих реакций. Данный набор формируется под воздействием среды воспитания и взросления личности. Этот набор мы можем определить как «относительно стабильный личностный конструкт» [11, с. 259], но не неизменный. Отсюда ряд полаганий:

- 1) виновное поведение обусловлено проявлением личностного конструкта виновного лица;
- 2) виновное поведение можно рассматривать как виновное лицо в поведенческом проявлении.

Такие полагания позволяют утверждать, что мы можем реконструировать субъектность из особенностей следов поведенческих реакций, проявленных в виновном деянии. Полученное описание субъектности наполняет субъективную сторону преступления и дает развернутую картину психического отношения лица к преступному действию.

Психология вменяемости играет важную роль в определении вины, т. к. раскрывает психологию преступника: его сознание и волю [6], осознанность и понимание, цель и мотив. Л. Д. Гаухман предлагает рассматривать психологию преступника, выраженную в объективной реальности [12]. Эксплицитные цели и мотивы и есть элементы психического отношения преступника к объективной реальности преступления, т. к. предполагают преобразующие целевые действия. Можем ли мы такое же суждение вынести на имплицитные цели и мотивы? Это вопрос, требующий отдельного исследования, поскольку нет объективного инструмента для их фиксации. Если вина может быть рассмотрена через виновное деяние, то цель во всех своих проявлениях (осознанность, мыслеформа, речевая форма и т. п.) является продуктом психической деятельности. При этом цель выражена в объективной реальности и, значит, обусловлена ею. И если цель обусловлена внутренней реальностью и опосредована внешним объектом деятельности, то мотив – порождение внутренних процессов.

В. К. Андрианов относит психологические аспекты уголовного права к «реализации мер уголовно-правового воздействия на лиц, их совершивших (вменяемость и невменяемость, различные формы психической активности – вина, мотив, цель, эмоции)» [13, с. 135]. Следовательно, вменение наблюдается тогда, когда есть психическое отношение к криминальной ситуации – отношение, выраженное в цели, мотиве, осознанности и понимании общественной опасности деяния, регуляции психической активности и иных проявлениях субъектности.

Таким образом, ключевой психологической единицей вины выступает субъектность как проявление психического отношения. При отсутствии психического состояния, готового к проявлению субъектности, невозможно вменить вину. Этот вывод доказывает, что субъектность является психологической единицей вины. Нам видится важным проведение дальнейших исследований, определяющих топологию и функцию субъектности в вине.

В статье 24 УК РФ виновность лица раскрывается посредством понятия «совершившее деяние умышленно» – «лицо, совершившее деяние умышленно» (оставим пока за скобками рассуждение о неосторожности). Этимология слова Умышленно > Умысел > у-мысль, сложна. Этимологический словарь М.Фасмера не рассматривает отдельно происхождение данного понятия. Умысел с психологической точки зрения – это, прежде всего, мотивационно-потребностная сфера, которую можно выразить словом – замысел. Эту же мысль мы можем выделить и в работах Э. В. Ильенкова [14]. Так как умысел – это форма вины, то перед нами стоит проблема определения умозрительного и деятельного начала умысла. Следует отметить, что умысел как значение имеет давние корни. Упоминание об этом мы встречаем при толковании церковнославянского слова «ковь» – умысел, заговор⁶, с явно выраженной негативной коннотацией: «Ковь – злое ухищрение. Ковь творяще, яко оубьют его. Деяния 25:3; Мр. 15:7; Псалтырь толковая 12 век; Притчи 17:26; Ковьникъ – замысляющий зло; «ковникъ неправедень», Воскр.Триод. Цвет., 12 в.»⁷.

Поэтому умысел в психологическом плане есть психическое активное отношение субъекта к объекту с криминальным мотивом действия в отношении объекта. Мы допускаем, что умысел – интеллектуализированное понимание субъектом общественной опасности деяния. Но психологический умысел неоднороден. Исследование понятия умысла на предмет умозрительности и действительности позволит выделить виды умысла, например, как у С. А. Гавриленко – интеллектуальный и волевой. Таким образом, умысел – это признак программирования психической активности субъекта на совершение виновного деяния. На данную базовую конструкцию не влияет механизм образования умысла: спонтанный, обдуманый или умысел, возникший в состоянии аффекта. Если лицо было в невменяемом состоянии, то это состояние не предполагает умысла. Лицо в невменяемом состоянии не способно осуществлять программирование психической активности на совершение виновного деяния. А умысел, прямой или косвенный, всегда связан с виновным деянием (ст. 25 УК РФ).

Уточним термины «осознанность» и «предвидение», указанные в ст. 25 УК РФ. Они определяют осознанное поведение личности и прогнозирование ею опасности. Если проанализировать синонимический ряд глагола «осознавать», то мы получим спектр смыслов, которые указывают на то, что, осознавая, человек понимает⁸. Таким образом, если лицо осознавало, то оно понимало событие. Понимание – это процесс взаимодействия с той реальностью, в которую погружен субъект деяния. Это взаимодействие ему необходимо для оперирования реальностью, для принятия решения и преобразования (изменения) реальности⁹.

Рассмотрим пример: преступник напал на несовершеннолетнего с целью завладения его имуществом. Сам несовершеннолетний и его имущество – это объект для совершения насильственных действий преступника, а активность и пространственное окружение планируемого события – это реальность.

Преступник должен понимать реальность, оперировать ею для достижения благоприятных условий, необходимых для насилия, и при достижении желанной реальности осуществить акт насилия, тем самым преобразуя эту реальность: «Понимание – это всегда процесс и результат сопоставления, существующего с должным» [15, с. 79]. Представление о правонарушении может иметь разную степень структурированности. Преступник выбирает то представление

⁶ Объяснительный словарь малопонятных церковнославянских слов, встречающихся в св. Евангелии, Часослове и Псалтыри / сост. А. Н. Соловьев. 7-е изд. Москва : Издательство книгопродавца, тип. Вильде, 1902. 64 с.

⁷ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : труд И. И. Срезневского : [в 3 т.]. Санкт-Петербург : издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1890–1912.

⁸ Словарь синонимов З. А. Александровой прямо отсылает к глаголу «понимает» (Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник : около 11 000 синонимических рядов. 17-е изд., стер. Москва : Дрофа, 2010. 564 с.).

⁹ См. рассуждения о субъектности.

о реальности, которое наиболее конгруэнтно его цели, исходя из обстоятельств реальности и личного опыта. Поэтому осознанность – это понимание реальности в парадигме желанная /нежеланная. Прогнозирование – это экстраполяция структурированной реальности с желаемой. Способность психики действовать с прогнозированием напрямую связана с саморегуляцией поведения для достижения поставленной цели, то есть с антиципацией [16]. Это свидетельствует о единстве понимания и прогнозирования в организации криминального события.

В психологической науке понятие субъектности включает ряд качеств, выраженных в способностях к самоорганизации, постановке целей с учетом достижений, активной адаптации с учетом собственных целей и условий среды, саморегуляции направленной активности и т. д. [5]. Цель и мотив преступного акта играют роль в момент совершения преступления. Само преступное действие служит достижению цели и удовлетворению мотива, но, образуя субъективную сторону преступления, цель и мотив не отождествляются с виной, которая не может сосуществовать параллельно с преступным актом [17]. Таким образом, мы утверждаем, что, в момент преступления, цель и мотив не определяют вину, а противостоят ей, и это необходимо учитывать при формировании субъективной стороны преступления. Целей и мотивов недостаточно для совершения преступного деяния. Преп. Антоний говорит: «О помышлениях же ваших святой Давид в книге псаломстей пишет так: „весть Господь помышления человеческая, яко суть суетна” (Пс. 93, 11). А посему и за грех не ставьте их, о чем я лично вам говаривал, но вы привыкли беспокоиться по-пустому»¹⁰. Для преступления необходима воля, ведущая к цели, к удовлетворению мотива. Воля как раз и необходима, чтобы преодолеть вину, возникающую во внутреннем плане действия. В этом также проявляется субъектность, ее волевое начало, способное к созданию активности, в устойчивом движении к цели. Поэтому цели и мотивы в момент правонарушения не определяют вины как внутренний психологический феномен.

Противоправный умысел, даже полностью развернутый во внутреннем плане действия личности, но не проявленный в субъектной активности, в теоретическом плане говорит об отсутствии субъективной стороны преступления: «Преступлением признается виновно совершенное <...> деяние»¹¹. Значит, субъективная сторона преступления, образованного до преступного акта целями и мотивами, возникает в момент преступной активности (в т. ч. когда преступление не завершено (ст. 30 УК РФ)) или в момент достижения преступных целей и удовлетворения мотивов.

Психология вменяемости становится краеугольным камнем в понимании психологии вины, которую общественное представление накладывает на субъекта деяния. С. В. Векленко совершенно справедливо в качестве рамочной задачи определяет критериальные признаки отношения субъекта к действию [6]. Отношение субъекта преступления к деянию и есть основная площадка для понимания механизма образования вины как результата в сознании субъекта. Осознание и понимание вины определяет готовность субъекта к вменению. А сама готовность субъекта к вменению ему вины является важной категорией, определяющей полноту уголовной ответственности, выраженной в последовательности: «а) отрицательная оценка деяния субъекта преступления, выражающаяся в осуждении виновного лица от имени государства обвинительным приговором суда; б) назначение лицу наказания; в) отбывание наказания; г) возложение на осужденного определенных ограничений, связанных с судимостью»¹². В частности, речь идет об основании уголовной ответственности: «совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления... признаки состава указывают на то, что деяние является именно преступлением, а не каким-то иным правонарушением»¹³. Признание деяния преступным имеет два источника: правовое признание (решение суда) и субъектное признание (признание субъектом правонарушения вины). Правовое признание ограничивается доказанностью деятельного отношения к преступному событию, т. е. проявленной в нем субъектности. И уголовная ответственность, выраженная в общественном порицании и назначенном наказании, может наступить вне субъектного признания¹⁴.

Говоря о вине, мы имеем в виду, что вина сама возникает в системе отношений личности в виновном деянии. Виновное событие есть продукт общественный и объективный. Признание вины – это не испытание чувства вины, а признание самого факта отношения к виновному

¹⁰ Макарий (Иванов М. Н. ; старец Оптиной пустыни). Душеполезные поучения преподобного Макария Оптинского : [в 6 т.] / [сост. архимандрит Иоанн (Захарченко)]. Козельск : Издательство Введенской Оптиной Пустыни, 1997. Т. 2. С. 67.

¹¹ СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

¹² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / Арямов А. А., Басова Т. Б., Безверхов А. Г. [и др.] ; под ред. А. И. Чучаева. Москва : Проспект, 2019. С. 30.

¹³ Уголовное право. Общая часть : учебник / Багмет А. М., Быков А. В., Бычков В. В. [и др.] ; под общ. ред. А. И. Бастрыкина. Москва : Проспект, 2017. С. 263.

¹⁴ Там же.

деянию и сопутствующим этому признанию наказания и освобождения от вины. Непризнание вины – это отрицание отношения личности к виновному деянию.

При исследовании вины мы не можем обойти стороной категорию совести. Совесть выступает механизмом нравственного регулирования действия человека в точке выбора в совершении либо не совершении действия [18]. Признание вины без активации совести невозможно, потому что в этом случае оно не является полным и завершенным.

Признание вины включает в себя три действия:

1. Освещение вины через ее оглашение – фактическое признание вины – это действие и отношение. Отношение как привязанность к действию, как определение субъектности в событии. Данный акт осуществляется в диалоге между судьей и преступником, следователем и преступником. И этот диалог ведется исключительно в правилах, установленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации¹⁵, и содержании, установленном УК РФ.

2. Второе – это принятие собственной тождественности между нынешней личностью и «давней» личностью, субъектом криминального события. В этом и заключается смысл раскаяния, где противопоставляются личности прошлая и настоящая.

3. Третье действие – безусловное принятие мер восстановления «посредством активного посвящения себя миру, восстановления поврежденного им порядка бытия» [19]. В этом заключается смысл вынесенного наказания и его добросовестное исполнение с последующим освобождением.

Совесть «может различать и, если необходимо, осуждать не только деяния, но и оплошности, не только решения, но также отсутствие решений, а на самом деле даже образы и желания, которые только что возникли или вспомнились» [19]. Совесть выступает важнейшим механизмом правового регулирования поведения человека, позволяет ему осознать моральную обязанность повиноваться правовым законам. В этом и есть основной смысл формирования правового самосознания [20].

Таким образом, психическое отношение – это субъектное отношение лица к деянию по совокупности признаков, включающих цель, мотив, адаптацию, саморегуляцию, самоконтроль и т. п. Вина формируется в момент возникновения совокупности признаков, описывающих психическое отношение лица к виновному деянию. Поэтому признание вины – это признание связанности виновного лица и виновного деяния.

Можно предположить, что описанное психическое отношение лица к виновному деянию и есть деяние, виновно совершенное. Данное полагание следует принять как рабочую гипотезу, т. к. необходимо ответить на вопросы:

1. Является ли всякое психическое отношение лица к виновному деянию деянием виновно совершенным?

2. Какие признаки субъектности достаточны для описания виновного психического отношения?

3. Каков характер связанности этих признаков в определении виновности и т. д.?

4. Каково определение необходимых и достаточных условий связности виновного лица и виновного деяния на основе обратного понимания содержания вины в деянии, т. е. нужно ответить на вопрос, является ли проявленная в психическом отношении субъектность соотносимой с виновным деянием?

3 заключение

Исследования правовых представлений вины уходят далеко в историю права Руси, Российской империи, истории нашего государства в XX веке и новейшей истории. Менялись уклады, общественные формации, менялось само право, а вместе с ним менялось смысловое наполнение понятия «вина», его роль и прагматика в правовых общественных отношениях между людьми. Считаем необходимым проведение отдельного психолого-юридического исследования, раскрывающего логику нашего понимания вины.

Вина – категория многогранная, и, исследуя эту многогранность, мы находим научные представления вины и в философии, и в объектах культуры. Вина имеет свой дискурс в православии, исламе, и других авраамических религиях, иных концепциях религиозного миропонимания. Вина широко представлена в бытовых языковых конструктах. Вина образуется в самосознании человека, развивается там и предстает уже как элемент механизма регуляции поведения.

¹⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

Вина обретает черты ответственности, понимания, рефлексивности тех исходных вводных, которые определили содержание действия, а ответственность встает перед нами как понимание следствий, которые станут итогом психической активности.

Таким образом, в психологическом плане вина – это феномен сознания, выраженный в ответственности, на основании которой личность программирует, прогнозирует, регулирует и контролирует психическую активность, вызванную потребностью, желанием, состоянием.

Вина не может предстать в ясно выраженной речевой форме, но всегда проявляется в нашем языке и проецируется в коммуникации как неосознаваемые языковые проявления. Они обычно не контролируются сознанием: мимика, жесты, паузы, оговорки, описки, проективные формы (напевание, рисование, телодвижения). Это особенно важно при исследовании вины в детском возрасте и ее генетическом становлении в процессе взросления. Определяя языковую форму вины, мы автоматически определяем ее место в самосознании ребенка.

Проведенное изыскание побуждает нас поставить ряд исследовательских вопросов:

1. Каким образом в онтогенезе происходит формирование вины как механизма отношения между личностью, другой личностью, обществом и государством?

2. Какова структура вины как механизма программирования, регуляции и контроля психической деятельности?

3. Что является психологическим предметом вины, который в силу возрастных изменений или индивидуальных состояний определяет точку, смотря через которую мы можем дать ответ на важнейшие вопросы:

– Понимал ли индивид содержание и смысл действий, которые совершал?

– Понимал ли индивид социальное значение действия, когда его совершал?

Возникает проблема, разрешение которой определит генезис вины в самосознании: когда личность способна понимать социальные последствия, содержание своих действий и соотносить их? Союз «и» здесь следует рассматривать как обязательное сочетание признаков. Именно выражение этой позиции мы видим в работе [21] М. В. Бавсуна, С. В. Векленко, М. Б. Файзуллина, и это позволяет сформулировать рабочий тезис: готовность к вменяемости противоправности как психическая способность контроля своей активности отражает понимание социальной ситуации во внутреннем мире через соотносимость общественной опасности деяния и субъектности.

Перспективы дальнейших исследований

Философско-психологическое понимание вины. Психология вины – сложная категория психики, которая изучалась как в разрезе философской (М. М. Буббер) и философско-психологической мысли (Э. Фромм), так и в рамках прикладной психологии (Т. В. Власова), психоанализа (Э. Берн, З. Фрейд, К. Хорни). Вина как психическое явление формирует нравственный портрет личности. Большая часть исследований сходится в понимании того, что переживание вины сопряжено с преодолением социальных и нравственных запретов; что чувство вины сопряжено с чувством совести и формируется в возрасте 4–5 лет, с момента обретения в переживаниях категории стыда [22]. Через стыд вина проявляется как регулятор поведения личности в обществе, с помощью вины человек осознает последствия тех или иных действий. Понятие вины прочно связано с понятием «совесть». Говоря о совести, мы ведем речь о внутренней цензуре между миром бессознательных влечений и желаний личности, вытесненных при определенных обстоятельствах, и миром их социального проявления. Это вечная борьба между желаемым и возможным. На этой границе рождаются и умирают неврозы и страхи, тревожности и депрессии. Все максимально завязано на том, как человек договорится с самим собой, насколько он будет осознанным в вопросах своего проявления. И если желание выполняет функцию стимула, то вина приобретает функцию регулятора того самого проявления, которое преобразуется, проходя через внутреннего цензора – совесть.

Нам важно понимание и методологии исследования вины в разных философских теориях, и то, как вина представлена в русской философской мысли. Эта проблема должна раскрываться в рамках отдельного философско-психологического исследования:

1) понимание вины как категории сознания и регулятора поведения личности в точке нравственного выбора;

2) встроенность вины в категориальный философский аппарат: семиотика, эпистемология, этика, когнитивистика и т. д.

Религиозно-психологическое понимание вины. Вина уходит своими корнями в религиозную картину мира. В разных религиях она имеет свою смысловую картину. Сравнительный анализ

понятия вины в разрезе теологии есть важнейшая задача понимания сути вины в содержании бессознательного ее восприятия. Поэтому психолого-теологическое исследование вины позволит нам понять внутреннее психолого-историческое зарождение вины в сознании человечества.

Психолого-культурологическое понимание вины. Картина мира человека формируется культурой, выраженной в продуктах творения: изобразительное творчество, литературное, театральное, хореографическое. Разными языками культура погружает личность в мир смыслов понятия вины. Поэтому важно исследование того, как вина представлена в закономерностях культуры, памятниках, явлениях и событиях материальной и духовной жизни людей. Это проблема может стать отдельным психолого-культурологическим аспектом исследования вины. В этом случае нам следует обратиться к пониманию вины как «механизму культурно-нравственной регуляции поведения человека» [23, с. 11].

Социолингвистическое понимание вины как регулятора поведения личности в социальной реальности. В языковых социолингвистических конструктах выражение сценария поведения – «это делать нельзя, но, если сильно хочется, то можно». В первом утверждении «это делать нельзя» регулятором выступает совесть, общественный порядок, традиции, нормы, именно они выставляют границы. Но границы можно преодолеть: «если сильно хочется, то можно», и в этом случае вступает в силу механизм вины, именно он должен определять степень социального вреда, которое может нанести себе личность, приняв общественное наказание за тот социальный вред, которая личность нанесла своей активностью.

Обратим внимание, что вина предстает перед нами не как чувство раскаяния, порожденное стыдом, страхом или наказанием, а как механизм, с помощью которого личность способна спрогнозировать последствия нарушения. И в этом случае правонарушение следует воспринимать не как нарушение свода запретов или ограничений, а как ответную реакцию уполномоченных субъектов (суда) на причинение существенного вреда личности, обществу, государству. Таким образом вина предстает перед нами как категория самосознания, когда субъект в рефлексивной позиции по отношению к своему действию обеспечивает себе понимание ответной реакции социального субъекта на причиненный вред. И это не нравственная сторона вины, которая раскрывается в культурологической, теологической и философской предметности. Рефлексивность сознания обеспечивается диспозицией между субъектностью личности и представлением общества и государства о субъектности, задает вине внутренний план действий. Это в свою очередь создает в сознании субъект-субъектные отношения. Наличие диспозиции в рефлексивном сознании уже укажет нам на готовность личности к осознанию вины, к повинности, к виновной регуляции поведения. Виновная регуляция поведения – это достижение такого уровня правосознания, когда личность способна видеть в праве не только запретительную семантику, а семантику согласованного с обществом гармоничного поведения.

Видится целесообразным препарировать виновную регуляцию поведения инструментами социальной лингвистики. Именно социальная лингвистика со своими смысловыми и прагматическими особенностями поможет раскрыть вину как регулятор поведения в реальных условиях. Для дальнейшего исследования может стать интересным установленный в нейропсихологии факт, что при формировании лобных долей коры ключевым элементом становится язык, который обеспечивает диалог во внутреннем мире личности, регуляцию поведения, психической активности. Язык точнее определяет содержание действия, но он сложнее в диагностике и интерпретации, т. к. язык не представлен в психологических формах, в отличие от речи, которая имеет черты психической проявленности. Основываясь на исследованиях М. Хайдеггера [24], следует предположить, что вина, в отличие от чувства вины, есть результат языкового видения последствий действия и ответственности за него. Ответственность как ответ и есть основа вины как внутренняя концепция действия.

Психолого-генетическое понимание вины. В цели исследования не входило рассмотрение вопросов психологии восприятия и понимания содержания вины и виновного деяния со стороны потерпевшего. Данная проблема в психологии разрешается при проведении исследований в области психологической судебно-экспертной деятельности, а в юриспруденции в области восприятия потерпевшим обстоятельств совершенного преступления. Потерпевшие бывают разного возраста, и от этого зависит квалификация преступления. Значимость решения проблем восприятия, разработки диагностических подходов актуальна, т. к. влияет на квалификацию преступления.

Решение этих вопросов видится в механизмах саморегуляции. Мы понимаем, что механизмы саморегуляции созревают на разных этапах психического развития личности. Например:

– рефлексивные механизмы оценки своих поступков, способов самоосознания и самопонимания созревают позднее [25], нежели процессы, связанные с социальной перцепцией [26];
– социальная перцепция неоднородна в различные возрастные периоды развития личности, зависит от пола и индивидуальных особенностей.

Список источников

1. Степанов С. К. Вина в деликтном праве: генезис основных подходов // Антиномии. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 148–167. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148
2. Хиллута В. В. Вина в уголовном праве: поиск новой концепции // Юристы-Правоведь. 2021. № 4 (99). С. 93–99.
3. Игнатов А. Н. О понятии вины в уголовном праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 3. С. 123–127.
4. Петровский А. В., Петровский В. А. Категория личности (к построению онтологической модели личности) // Развитие личности. 2014. № 2. С. 58–91.
5. Котелевцев Н. А. Определение субъекта и субъектности в отечественной психологической науке // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 208–212.
6. Векленко С. В. Значение категорий диалектики для познания вины в уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 2 (29). С. 44–48.
7. Донская О. Г., Сащенко А. А. Субъективное вменение в уголовном праве России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2022. Т. 8 (74), № 1. С. 125–131. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-125-131>
8. Нартова-Бочавер С. К., Ерофеева В. Г., Байрамян Р. М., Чулюкин К. С. Повседневные представления об аутентичности: от детства к юности // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20, № 3. С. 523–547. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-523-547>
9. Чжан Ш. Семантические особенности существительных с суффиксом -ость в современном русском литературном языке // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2020. Т. 26, № 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>
10. Морозова А. А., Динека В. И. К вопросу о соотношении объективного и субъективного вменения при посредничестве в коммерческом подкупе // Вестник Академии права и управления. 2021. № 4 (65). С. 54–59. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_4_54_59
11. Скоревич А. С. Оптимизация состояния психологических характеристик личности допрашиваемого посредством тактических приемов направленного воздействия // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 503. С. 259–264. <https://doi.org/10.17223/15617793/503/27>
12. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика : [монография]. Москва : Центр ЮрИнфоР, 2001. 315 с.
13. Андрианов В. К. Социально-психологические закономерности в уголовном праве // Юридический журнал Высшей школы экономики, 2024. № 1. С. 133–162. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.1.133.162>
14. Ильенков Э. В. Идеальное // Культурно-историческая психология. 2006. № 2 (2). С. 17–28.
15. Знаков В. В. Психология понимания : Проблемы и перспективы : [монография]. Москва : Институт психологии РАН, 2005. 448 с.
16. Ионова М. С., Резепова Н. В. Взаимосвязь саморегуляции поведения и способности к прогнозированию у студентов // Мир науки. Педагогика и психология : [электронное издание]. 2022. Т. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN622.pdf> (дата обращения: 04.05.2025).
17. Тарханов И. А., Гайфутдинов Р. Р. Субъективная сторона преступления и отражение ее признаков в уголовном законодательстве // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 2. С. 161–176. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.161-176>
18. Сорокин В. В. Совесть в механизме правового регулирования: вопросы теории // Российская юстиция. 2010. № 1. С. 62–66.
19. Buber M. Guilt and Guilt Feelings // Psychiatry. 1957. Vol. 20. № 2. P. 114–129. <https://doi.org/10.1080/00332747.1957.11023082>
20. Емтыль З. Я., Емтыль Ф. А. К вопросу о соотношении категорий совести и права // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 1 (23). С. 81–84.
21. Бавсун М. В., Векленко С. В., Фаткуллина М. Б. Объективность и целесообразность некоторых форм виновного вменения в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2006. № 4 (267). С. 125–135.
22. Ackerman S. Freud's Red Thread: Explorations of the Unconscious Sense of Guilt. Journal of the American Psychoanalytic Association. 2023. Vol. 71, № 2. P. 189–214. <https://doi.org/10.1177/00030651231171919>
23. Шаранов Ю. А., Зуева Е. Г. Психолого-юридическая динамика структуры и функций вины в процессе решения постпенитенциарной проблемы российского общества // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29, № 1 (96). С. 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
24. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Изд. 4-е, испр. Москва : Академический проект, 2013. 447 с.
25. Реан А. А., Коновалов И. А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 2. С. 60–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
26. Салчак А. М. Отражение образа отца у старших подростков в Республике Тыва // Вестник университета. 2020. № 6. С. 191–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-6-191-196>

References

1. Stepanov S. K. Vina v deliktном prave: genезis osnovnyh podhodov // Antinomii. 2023. T. 23, vyp. 1. S. 148–167. https://doi.org/10.17506/26867206_2023_23_1_148
2. Hilyuta V. V. Vina v ugovnom prave: poisk novoj koncepcii // YUrist"-Pravoved". 2021. № 4 (99). S. 93–99.
3. Ignatov A. N. O ponyatii viny v ugovnom prave // Zakony Rossi: opyt, analiz, praktika. 2007. № 3. S. 123–127.
4. Petrovskij A. V., Petrovskij V. A. Kategoriya lichnosti (k postroeniyu ontologicheskoy modeli lichnosti) // Razvitie lichnosti. 2014. № 2. S. 58–91.

5. Kotelevcev N. A. Opredelenie sub"ekta i sub"ektnosti v otechestvennoj psihologicheskoj nauke // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3 (51). S. 208–212.
6. Veklenko S. V. Znachenie kategorij dialektiki dlya poznaniya viny v ugovolnom prave // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2008. № 2 (29). S. 44–48.
7. Donskaya O. G., Sashenko A. A. Sub"ektivnoe vmenenie v ugovolnom prave Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2022. T. 8 (74), № 1. S. 125–131. <https://doi.org/10.37279/2413-1733-2022-8-1-125-131>
8. Nartova-Bochaver S. K., Erofeeva V. G., Bajramyan R. M., Chulyukin K. S. Povsednevnye predstavleniya ob autentichnosti: ot detstva k yunosti // Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki. 2023. T. 20, № 3. S. 523–547. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2023-3-523-547>
9. Chzhan Sh. Semanticheskie osobennosti sushchestvitel'nyh s suffiksom -ost' v sovremennom russkom literaturnom yazyke // Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriya, pedagogika, filologiya. 2020. T. 26, № 4. S. 101–108. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-4-101-108>
10. Morozova A. A., Dineka V. I. K voprosu o sootnoshenii ob"ektivnogo i sub"ektivnogo vmeneniya pri posrednichestve v kommercheskom podkupe // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2021. № 4 (65). S. 54–59. https://doi.org/10.47629/2074-9201_2021_4_54_59
11. Skorevich A. S. Optimizaciya sostoyaniya psihologicheskikh harakteristik lichnosti doprashivaemogo posredstvom takticheskikh priemov napravlennoho vozdejstviya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 503. S. 259–264. <https://doi.org/10.17223/15617793/503/27>
12. Gauhman L. D. Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika : [monografiya]. Moskva : Centr YurInfoR, 2001. 315 s.
13. Andrianov V. K. Social'no-psihologicheskie zakonomernosti v ugovolnom prave // Yuridicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki, 2024. № 1. S. 133–162. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2024.1.133.162>
14. Il'enkov E. V. Ideal'noe // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2006. № 2 (2). S. 17–28.
15. Znakov V. V. Psihologiya ponimaniya : Problemy i perspektivy : [monografiya]. Moskva : Institut psihologii RAN, 2005. 448 s.
16. Ionova M. S., Rezepova N. V. Vzaimosvyaz' samoreguljatsii povedeniya i sposobnosti k prognozirovaniyu u studentov // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya : [elektronnoe izdanie]. 2022. T. 10, № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN622.pdf> (data obrashcheniya: 04.05.2025).
17. Tarhanov I. A. Gajfutdinov R. R. Sub"ektivnaya storona prestupleniya i otrazhenie ee priznakov v ugovolnom zakonodatel'stve // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2020. T. 162, № 2. S. 161–176. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.2.161-176>
18. Sorokin V. V. Sovest' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya: voprosy teorii // Rossijskaya yusticiya. 2010. № 1. S. 62–66.
19. Buber M. Guilt and Guilt Feelings // Psychiatry. 1957. Vol. 20. № 2. P. 114–129. <https://doi.org/10.1080/00332747.1957.11023082>
20. Emtyl' Z. Ya., Emtyl' F. A. K voprosu o sootnoshenii kategorij sovesti i prava // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2014. № 1 (23). S. 81–84.
21. Bavsun M. V., Veklenko S. V., Fatkullina M. B. Ob"ektivnost' i celesoobraznost' nekotoryh form vinovnogo vmeneniya v ugovolnom prave // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2006. № 4 (267). S. 125–135.
22. Ackerman S. Freud's Red Thread: Explorations of the Unconscious Sense of Guilt. Journal of the American Psychoanalytic Association. 2023. Vol. 71, № 2. P. 189–214. <https://doi.org/10.1177/00030651231171919>
23. Sharanov Yu. A., Zueva E. G. Psihologo-yuridicheskaya dinamika struktury i funkcij viny v processe resheniya postpenitenciarnoj problemy rossijskogo obshchestva // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2024. T. 29, № 1 (96). S. 6–11. <https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-6-11>
24. Hajdegger M. Bytie i vremya / per. s nem. V. V. Bibihina. Izd. 4-e, ispr. Moskva : Akademicheskij proekt, 2013. 447 s.
25. Rean A. A., Kononov I. A. Social'no-perceptivnyj obraz razlichnyh social'nyh grupp v soznanii podrostkov // Social'naya psihologiya i obshchestvo. 2018. T. 9, № 2. S. 60–80. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090205>
26. Salchak A. M. Otrazhenie obraza otca u starshih podrostkov v Respublike Tyva // Vestnik universiteta. 2020. № 6. S. 191–196. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-6-191-196>